

Литература

1. История Швеции / А. С. Кан [и др.] ; под общ. ред. А. С. Кана. – Москва : Наука, 1974. – 712с.
2. История скандинавских стран : учеб. пособие. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Высш. школа, 1980. – 311 с.
3. Tingsten, H. Issues in Swedish Foreign Policy / H. Tingsten // Foreign Affairs. – 1959. – Vol. 37. – № 3. – P. 475–485.
4. Малышева, Е. М. Шведский «нейтралитет» во Второй мировой войне / Е. М. Малышева // Вестник СПбГУ. Сер. 2, История. – 2016. – Вып. 2. – С. 4–17.

Польша в планах Российской империи в период Первой мировой войны 1914–1918 гг.

*Гуринович А. В., студ. II к. БГУ,
науч. рук. проф. Шакурский В. Г., д-р ист. наук*

В Петербурге прекрасно понимали, что лучший вариант решения польского вопроса – восстановление государственности Польши под полным контролем со стороны Российской империи [1]. Из вступивших в войну государств Россия была первой, которая изложила свою позицию касательно будущего Польши. 1 августа 1914 г. с воззванием к полякам обратился верховный главнокомандующий российской армии великий князь Н. Н. Романов. В отмеченном документе содержалось обещание объединить все польские земли, которые были под властью России, Австро-Венгрии и Германии, и изменить политический статус Царства Польского через придание ему большего самоуправления. Однако Польша должна оставаться под верховной властью российского императора. Форма обращения к полякам не от имени Николая II, а от имени верховного главнокомандующего была выбрана Петроградом сознательно. В качестве причины можно назвать следующее обстоятельство. Если бы вопрос о воссоединении Польши в качестве одной из целей войны был составлен в виде царского манифеста, то тогда для России война из оборонительной могла бы трактоваться как захватническая. А этого всеми силами не хотели допустить. При этом Российская империя явно не хотела слишком ограничивать себя обязательствами, а от обещаний, данных не на императорском уровне, можно было бы в дальнейшем в случае необходимости в той или иной степени отказаться [2].

Нельзя сказать, что обращение Николая Николаевича Романова было исключительно пропагандистским ходом. Среди российских государственных деятелей, особенно связанных с министерством иностранных дел, было много тех, кто был убежден, что изменение государственного статуса Царства Польского выгодно Российской империи, поскольку это поспособствует

укреплению международных позиций государства и привлечет к сотрудничеству многих влиятельных, но сомневающихся поляков. Вместе с тем идея воссоединения польских земель и предоставление Польше самоуправления также встретила сопротивление в правящих кругах империи. Одним из главных противников такой линии был министр внутренних дел Н. А. Маклаков. В августе 1914 г. он передал Николаю II секретную записку, в которой были изложены соображения против политики в отношении Польши, которую продвигал МИД. Он предлагал вернуться к курсу сохранения разделов Польши. Соображения той записки Николай II не поддержал и с этого момента политика Российской империи в отношении Польши раздвоилась: министерство иностранных дел выступало за воссоздание единой Польши, а круги, группировавшиеся вокруг министра внутренних дел, – за сохранение ее разделов [2].

5 ноября 1916 г. провозглашен «акт двух императоров»: германского (Вильгельма II) и австрийского (Франца Иосифа I). В акте провозглашалось создание на территориях, принадлежащих Российской империи, Королевства Польского – независимого государства с наследственной монархией и конституционным строем [3].

Российская империя сразу же осудила действия Австро-Венгрии и Германии, т.к. они, по ее мнению, грубо нарушали международное право, но этого явно было мало, чтобы остановить немецкие планы. Николай II осознал, что теперь Россия должна высказаться конкретнее по польскому вопросу, не боясь обвинений в нарушении международного права. К тому же союзники Российской империи по Антанте единодушно осудили манифест от 5 ноября. 12 декабря 1916 г. в своем рождественском приказе по армии и флоту российский император, который к этому времени объявил себя Верховным главнокомандующим российской армии, сформулировал цели войны для России. Одной из них он объявил объединение всех польских земель под властью династии Романовых и предоставление им широкой автономии, подобной той, которую Александр I даровал Царству Польскому в 1815 г. Обновленному Царству Польскому было обещано не только восстановление собственных органов законодательной и исполнительной власти, но и создание собственной армии [1].

Военные неудачи Российской империи и оставление ее войсками в 1915 г. всей польской территории не позволяли продолжать разработку законодательных основ польской автономии. Хотя в 1915–1917 гг. российское руководство продолжало придерживаться той риторики, которая была заложена еще в Воззвании великого князя Николая Николаевича Романова, однако по факту решение польского вопроса откладывалось до окончания войны. В результате отмеченных обстоятельств значительная часть польской политической элиты, которая сначала положительно восприняла появление

воззвания, начинала отходить от пророссийской ориентации и переходить на сторону Германии и Австро-Венгрии. А на заключительном этапе войны стала ориентироваться на страны Антанты и США. Становилось все более очевидным, что польский вопрос из чисто внутреннего вопроса Российской империи начинал приобретать статус международного, чего всячески пытались избежать дипломаты России [2]. Февральская и Октябрьская революции 1917 г. поспособствовали актуализации польского вопроса в международном масштабе.

Литература

1. Белые пятна – черные пятна: сложные вопросы в российско-польских отношениях / [В. Г. Барановский и др.] ; под общ. ред. А. В. Торкунова, А. Д. Ротфельда ; Российско-польская группа по сложным вопросам. – Москва : Аспект Пресс, 2010. – 823 с.

2. Иванов, Ю. В. Очерки истории российско (советско)-польских отношений в документах, 1914–1945 / Ю. В. Иванов. — Москва : Международные отношения, 2014. — 382 с.

3. Тымовский, М. История Польши / М. Тымовский, Я. Кеневич, Е. Хольцер ; пер. с польск. – М. : Весь мир, 2004. – 544 с.

Амазонія – агульначалавечая спадчына?

*Дзянісава М. А., студ. III к. БДУ,
наук. кір. Фральцоў У. В., д-р гіст. навук, дац.*

Апошнім часам усё грамчэй заяўляюць пра сябе экаактывісты, «зьялёныя» партыі набіраюць папулярнасць, становіцца модным весці «экалагічны» лад жыцця. Гэта не дзіўна, бо дзякуючы сацыяльным сеткам і інтэрнэту людзі па ўсім свеце імгненна даведваюцца пра экалагічныя катастрофы, якія адбываюцца за тысячы кіламетраў ад іх. У 2019 г. самым вядомым выпадкам з іх стаў лясны пажар у Паўднёвай Амерыцы, басейн ракі Амазонкі.

У навуцы аб міжнародных адносінах і сусветнай палітыцы існуе праблема непрызнання істотнасці экалагічных праблем і іх уплыву на светапарадак. Калі мы чуем спалучэнне слоў «глабальная пагроза», то звычайна ўяўляем сабе зброю масавай паразы ці тэрарыстычныя атакі, але ніяк не глабальнае пацяпленне і забруджванне Сусветнага акіяну. Так званая «зьялёная» тэорыя не надта папулярная сярод палітолагаў, і яшчэ меней яе любяць палітыкі (магчыма, праблема ў «экацэнтрызме»). Але ці магчыма зусім ігнараваць пытанні экалогіі ў міжнародных адносінах?

Лясныя пажары не з'яўляюцца рэдкасцю для Амазоніі, асабліва падчас засушлівых сезонаў (з ліпеня па кастрычнік). Яны могуць быць выкліканы